

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

РАМАТ П.

УНИВЕРСАЛИИ И ТИПОЛОГИЯ*

1. Хотя в принципе типологический анализ и поиски универсалий являются двумя диаметрально противоположными направлениями исследований, во многих работах они фактически оказываются взаимосвязанными. Эта взаимосвязь не произвольна и не случайна; иногда она носит программный характер, на что указывает, например, даже само название некоторых публикаций [см., например, 2].

Довольно распространена тенденция употреблять термин «универсалия» слишком широко и не вполне точно. Так, Э. Кинэн говорит о «конечных универсалиях наблюдения» (finite observation universals) («во всех языках есть личные местоимения [...], посессивные конструкции»), противопоставляя их «неконечным универсалиям наблюдения» (infinite observation universals), например, ограничениям, налагаемым на трансформации. Первые связаны с наблюдением над эмпирическими фактами, вторые скорее зависят от избранной теоретической модели [3, с. 134 и сл.]. Э. Моравчик противопоставляет «аналитические» универсалии «синтетическим» [3, с. 146]. П. Гарвиш выделяет «дефиниционные» и «потенциальные» универсалии; только первые являются «абсолютными универсалиями» [3, с. 110 и сл.]. Ввиду неточности терминологии, которая породила немало путаницы, представляется необходимым обратиться к различению, которое установил Хэмпел между эмпирическими обобщениями и теоретическими построениями, между «термами наблюдения» (observative terms) и «термами теории» (theoretical terms). Последние не соотносятся непосредственно с наблюдаемыми фактами, а используются для построения научных теорий, которые должны объяснять эмпирические обобщения [4]. Подобных взглядов придерживается и такой известный лингвист, как Бар-Хиллел: «Если, как я предлагаю, *генералия* должна употребляться для обозначения „случайной целостности“ (accidental allness), то *универсалия* должна соотноситься с „необходимой целостностью“ (necessary allness); отсюда вытекает важное следствие: ...генералия допускает градацию..., универсалия же абсолютна» [5, с. 9]. Говорить о «квази-универсалиях» (near-universals) значит впасть в явное логическое противоречие, а выражение «универсальные универсалии» (overall universals) представляет собой чистую тавтологию.

Поэтому универсалиями, действительно заслуживающими этого названия, можно считать только такие, для которых верна формула:

$$\text{Univ (P)} \longleftrightarrow (\forall x) (Lx \rightarrow Px),$$

т. е. свойство P универсально, когда для всех L верно, что они обладают P; для всех x верно: если x — язык, тогда x обладает свойством P; или же $L \supseteq \text{ох}$ (для L является необходимым условием x).

Универсалиями этого типа являются конститутивные свойства человеческого языка как такового («сущностные универсалии», по выражению Э. Косериу [6]). Из определения языка как структуры звуковых единиц, выполняющих различительную функцию для передачи значений в пределах определенного языкового коллектива, вытекает сущностное, универсальное свойство языка, заключающееся в том, что эти единицы появляются с определенной частотой, зависящей от характера связей между ними.

* Настоящая статья представляет собой вторую главу недавно вышедшего сборника моих работ [см. 1].

В другой формулировке: поскольку язык является фонетической структурой, эта структура обладает универсальным свойством линейности (звуковые единицы не могут производиться все одновременно, а должны располагаться в линейной последовательности). Учитывая функциональный аспект приведенного определения языка, можно постулировать универсальность связи, устанавливаемой в пределах языкового знака между означающим и означаемым. Отсюда следует утверждение, что ковариативность формы и значения также универсальна. Можно уточнить, что, поскольку язык является функциональной структурой, имеющей целью передачу означаемых (сообщений), он должен обладать в качестве универсального свойства способностью сообщать (предципировать) нечто по поводу кого-либо или чего-либо, т. е. проводить различие между «топиком» (или «темой») и «комментарием» (или «ремой»).

Установление подобных универсалий тесно зависит от предварительно принятого в качестве аксиомы определения языка, и в этом смысле оно производится дедуктивно. Такие универсалии обладают значимостью прежде всего для формальной лингвистики типа «грамматики Монтегю».

Между прочим, целью типологической лингвистики является создание универсального инструмента описания языков, который по необходимости должен основываться на существенных и конститутивных свойствах языка (= универсалиях). Для создания действенной модели типологического исследования релевантными являются такие понятия, как «фраза» (и «операция» как средство построения фраз), «грамматика», а также «структура», «оппозиция» и т. д., которые относятся к области универсалий. В этом смысле лингвистическая типология не является теорией языка, а зависит от определенной теории (уровень универсалий): прежде чем обнаружить что-либо, надо знать, что искать; поэтому дедуктивный аспект важен также и в типологических исследованиях.

Однако дедуктивный характер установления универсалий не означает произвола в их постулировании; речь идет не о научных фикциях, а о реальных свойствах, имманентно присущих языку [3, с. 58 и сл.]. Тем не менее эти свойства обнаруживают логические импликации, которые уже не являются строго лингвистическими. Когда говорят, что понятие «фразы» имплицитно содержится в понятии «естественного языка», в том смысле, что всякий естественный язык по определению способен производить фразы, одновременно предполагают целую серию производных понятий («структура», «оппозиция», «линейная последовательность» и т. д.), которые представляют собой логически конститутивные свойства понятия «фразы», или, если угодно, ее метаярвень. Здесь следует вспомнить утверждение Кацнельсона [7, с. 14] о том, что подобные универсалии (например, универсалия «во всех языках имеются фонемы», выводимая из данного нами определения языка) являются «аналитическими суждениями с ограниченной познавательной значимостью» (ср. «неинформативные универсалии» Вардуля [8]; см. также [9]). Это верно, но свидетельствует лишь о том, что подобные универсалии имеют ограниченную значимость в конкретном типологическом исследовании. Фонемная структурация действительно является одной из характеристик человеческого языка, однако это свойство именно в силу своей универсальности является типологически иррелевантным¹.

Хотя лингвистическая типология зависит в указанном выше смысле от универсалий, на практике она занимается (или должна была бы заниматься) обобщением эмпирических данных индуктивным путем. Между универсалиями и обобщениями существует разрыв: первые являются результатом дедуктивного анализа, вторые — индуктивного (ср. [3, с. 87]). На практике все же невозможно прийти к осмысленным обобщениям, пред-

¹ Второй пример универсалии, который приводит Кацнельсон («во всех языках различается грамматика и лексика»), представляется скорее обобщением эмпирических данных, поскольку можно представить себе язык без эксплицитных грамматических морфем [вспомним о «бесформенных языках» (formlose Sprachen) типологов прошлого века].

ставляющим какой-либо интерес, если отсутствуют общетеоретические понятия (включающие также и универсалии).

2. Нельзя не согласиться в принципе с Э. Косериу, когда он утверждает [3, с. 94], что лингвистическая типология противоположна поиску универсалий, поскольку она обращена на изучение различий между языками. «Исследование же признаков языка, не связанное с наблюдением некоторых эмпирических общих фактов и независимое от причин, порождающих сходства, есть совершенно иная область, уходящая в своих истоках не к изучению собственно конкретных признаков языков, а к выявлению признаков языка вообще в аспекте его специфики как атрибута человеческой деятельности. Лингвистика универсалий и лингвистика типологии языков в этом смысле имеют совершенно различные предметы исследования и различные цели» [10, с. 453; ср. 11].

Вариативность на уровне универсалий равна нулю; на уровне обобщений наблюдается свободный выбор, производимый данным человеческим языком в пределах гаммы возможностей, границы которой универсальны. Например, если взять теорию дифференциальных признаков Р. Якобсона, то окажется, что в фонологической системе любого языка используются установленные им дифференциальные признаки, но не какие-либо иные, не предусмотренные данной теорией, хотя в каждом языке используются не обязательно все признаки [2, с. 15]. Впрочем, существуют также обобщения факультативных свойств, которые не являются логически необходимыми, а потому могут отсутствовать в том или ином языке. Например, возвратное местоимение является универсальной категорией, но нельзя утверждать, что каждый язык обязательно должен иметь возвратные местоимения: функция рефлексивности может быть выражена с помощью каких-либо других средств [12, с. 86]. Еще один пример: утверждается, что шесть теоретически возможных типов порядка «базовых элементов» S, V и O составляют некоторое (универсальное) множество, из которого каждый язык должен выбрать определенный тип: типология изучает этот свободный выбор, произведенный тем или иным языком (см. статью Хетценра в [3, с. 120]). Существуют, однако, языки как, например, кечуа и вальбери, в которых наблюдается свободный порядок элементов; выбор определенного порядка не является обязательным. В таком случае действительной универсалией, охватывающей все языки без исключения, является универсалия линейности, линейной последовательности элементов.

Когда говорят о «возможном естественном языке» [12, с. 86] как о совокупности факультативных свойств, находящейся в пределах универсальных ограничений, или о «причинах межъязыковых сходств», тем самым дают имплицитный ответ на вопрос, почему типология и поиск универсалий, будучи в принципе противоположными направлениями исследований, в действительности так часто идут рука об руку: типология проецирует универсальные принципы на конкретный материал совокупности естественных языков (см. статью ван ден Боома в [3, с. 88]); иными словами, универсалии представляют собой общие термы, в которых устанавливается типология лингвистических объектов [11, с. 129]².

---

² Очевидна практическая значимость важной, но трудноразрешимой проблемы определения конкретных пределов возможного межъязыкового варьирования. Символическим представляется случай с языком хишкарьяна, в котором обнаружен порядок OVS, не зафиксированный в том списке языков, которым пользовался Гринберг для выведения своих знаменитых «универсалий» (на самом деле обобщений) морфосинтаксического характера. Первоначально порядок OVS был исключен из возможных типов порядка слов. Э. Кинэн, который сделал очень интересную попытку развить понятие «универсалий» как модели возможных межъязыковых вариаций, после обнаружения порядка OVS в хишкарьяна должен был пересмотреть свой «список свойств субъекта» (SPL) с «универсальной» значимостью и исключить из него свойство «S предшествует O» [12, с. 324 и сл.; ср. 13]. Этот пример хорошо показывает решающую роль эмпирических наблюдений для экстраполяции данного типа «универсалий». Действительно, поскольку эпистемологический «статус» (индуктивных) обобщений и (дефиниционных, дедуктивных) универсалий различен, невозможно гарантировать универсальную значимость любого индуктивного обобщения феноменов или процессов, наблюдающихся в реальной действительности.

3. Наряду с «сущностными», или конститутивными и дефиниционными, универсалиями, о которых мы только что говорили, существуют еще две разновидности универсалий. Первая разновидность носит объективный характер, вторая — субъективный.

Хотя психолингвистические исследования, несомненно, нуждаются в дальнейшем углублении, уже сегодня можно с уверенностью утверждать, что существует некоторая заданность биофизиологического порядка, имеющая универсальную значимость для всех человеческих существ³.

Обратимся еще раз к примеру с порядком следования базовых элементов. Представляется весьма вероятным, что крайне небольшое количество языков с порядком OVS (не более 1% языков мира) объясняется высокой степенью маркированности, неестественности порядка слов, при котором объект предшествует субъекту. Дело в том, что синтаксическая роль субъекта обычно соотносится с «глубинным падежом» агенса, который в свою очередь обычно представляется в качестве «топика», «данного» фразы, т. е. выносится на первое место, во всяком случае, предшествует объекту.

В экспериментах, относящихся к процессу восприятия, оказалось возможным доказать, что одни структуры перцепируются легче, чем другие; к первым относятся как раз те, в которых проявляется тенденция ставить известное перед новой информацией⁴. Было отмечено, что вставные придаточные относительные предложения представляют значительные трудности для понимания: уже на уровне второго вставного придаточного фраза понимается с трудом: ср. итал. *La ragazza che l'uomo che il ragazzo ha colpito inseguiva rubava le arance* «Девушка, которую мужчина, которого ударил парень, преследовал, крада апельсины», в то время как фраза становится совершенно понятной, если вынести первое придаточное: *Rubava le arance la ragazza che l'uomo che il ragazzo ha colpito inseguiva* «Крада апельсины девушка, которую мужчина, которого ударил парень, преследовал» или еще лучше: *Il ragazzo ha colpito l'uomo che inseguiva la ragazza che rubava le arance* «Парень ударил мужчину, который преследовал девушку, которая крада апельсины». В этом предложении представлена серия придаточных определительных, добавляемых справа в результате операции вынесения, теоретически бесконечной, как это наблюдается в известного рода шуточных детских стихах. Когда *che* «который» относится к непосредственно предшествующему термину, оперативная память получателя сообщения не перегружается.

Напротив, в языке с порядком элементов SOV, как в японском, в котором глагол неизменно занимает конечную позицию, не представляет трудности сказать: *Neko ga oikaketa nezumi ga tabeta chiizu wa kusatte-ita* «Кот СУБ преследовал мышь СУБ ела сыр ТОП испорчен-был» (см. статью С. Куно [17]). В этом случае относительное придаточное (которое в японском ничем не маркируется) завершается до того, как происходит переход к следующему термину, к которому оно относится: «Сыр, который мышь, которую кот преследовал, ела, был испорчен», в действительной линейной последовательности: «Кот преследовал мышь ела сыр был испорчен»⁵.

³ Называть совокупность этих условий «врожденной универсальной грамматикой», как это делается в генеративной теории, значит производить выбор в пользу чистейшего номинализма и априоризма, на основе предположения, которые не поддаются никакому эмпирическому контролю; в таком случае языковые универсалии выступают как «врожденные» лингвистические принципы, которые позволяют ребенку овладеть языком. Поскольку эти универсалии являются абстрактными принципами по определению, не представляется возможным доказать или опровергнуть их данными поверхностного уровня конкретных языков [2, с. 4, 24; 14, с. 29].

⁴ В качестве возможной причины перехода от порядка SOV («оптимального» со структурной точки зрения) к порядку SVO (например, от латыни к романским языкам) возникает противоречие, существующее между «конструктивным принципом» синтаксического порядка и «принципом топикализации информации», согласно которому «топику» (в языке, подобном латыни, $\cong$ субъекту), отводится преимущественно начальная позиция (принцип прагматико-экспрессивного порядка) [15, с. 125 и сл.]; о противоречии между двумя типами порядка см. также [16, с. 59].

⁵ О психолингвистических аспектах проблемы восприятия, кодификации и понимания см. [18]; о придаточных относительных, в частности, см. [19].

Что касается нейролингвистического уровня, известны исследования асимметрии функций полушарий головного мозга (латерализации). Человек — единственное существо, у которого обнаруживается асимметрия функций и специализация полушарий головного мозга относительно языковых способностей в числе прочих. Эксперименты показали, что при восприятии языкового материала (числа, слова, слоги) наблюдается «эффект правого уха» (REE, right ear effect), в то время как при восприятии мелодии и последовательности тонов наблюдается скорее «эффект левого уха» (LEE, left ear effect) [18; 19; 20, с. 83].

Макнилл [21, с. 140] отмечает, что «одним из следствий латерализации является, по-видимому..., смещение согласных, но не гласных» к левому полушарию мозга, поскольку правое ухо явным образом доминирует при восприятии согласных, в то время как гласные воспринимаются и правым и левым ухом без какой-либо разницы в чувствительности между ними. У. П. Леман, в частности, сообщает о результатах экспериментов М. С. Гаццаниги. В них было показано, что правое полушарие у пациентов, которым была произведена лобэктомия, в состоянии контролировать продуцирование отдельных имен, но не глаголов ([22]; ср. также [23, с. 312 и сл.]).

Число примеров такого типа можно было бы легко умножить (см. обширную библиографию работ, посвященных афазии, начиная с исследований Выготского). Ясно, что здесь мы имеем дело с явлениями универсального характера, которые обуславливают особенности языковой способности человека, в значительной мере предшествуют какой-либо обусловленности культурного характера и уже верифицированы (или верифицируемы) в лабораторных экспериментах.

Эти явления могут пролить свет на функционирование когнитивных структур у человека и оказывают какое-то влияние на форму языковых структур «возможного естественного языка». На основе факта трудности/невозможности продуцирования глаголов с помощью правого полушария можно заключить о центральном положении глагола или, вернее, единицы, осуществляющей глагольную функцию в акте предикации, — сложной операции установления связи между различными единицами, которая, как известно, осуществляется обычно левым полушарием; также можно сделать выводы о том, что порядок OS, по-видимому, противоречит универсальным стратегиям восприятия, которые требуют, чтобы «топик» (или тема) предшествовал «комментария» (или реме).

Таким образом, мы встаем на путь создания возможной «универсальной грамматики» без обращения к слишком дорогостоящей гипотезе о «врожденном» характере грамматических правил, выдвигаемой генеративной грамматикой (даже в том случае, если эти правила просты и всеобщи; см. выше, примеч. 3) [23]. Языковое поведение говорящих находит свое объяснение (в каузальном смысле) в бионейропсихологии; в ней же следует искать обоснование таких понятий, как «естественность» и «маркированность». «Маркированный» должен означать «сложный в когнитивном аспекте». Поэтому значение слова *наклонный* маркировано относительно значений слов *вертикальный* и *горизонтальный*, поскольку соответствующие дифференциальные признаки, воспринимаемые нашими органами чувств, помещаются в пространстве с двумя измерениями: [вертикальный] и [горизонтальный]; следовательно, значение «наклонный» должно определяться на основе двух признаков: [— вертикальный, — горизонтальный] [24]. Можно утверждать, что доминирование термина «destro» («правый») в паре «destro/sinistro» («правый/левый») (в случае возможного фонетического изменения по аналогии мы бы имели «destro/senestro», как в латыни мы имеем «dexter/senexter», но не *«distro/sinistro») может быть объяснено доминированием левого полушария и, следовательно, правой руки, что объясняется перекрещиванием центральных нервных путей, ведущих к периферийным органам чувств (см. [25, с. 14] со ссылкой на Мейерталера).

Итак, существуют объективные условия, которые определяют форму возможных языковых систем не только на уровне артикуляционной фоне-

тики, но и на морфосинтаксическом (и лексическом) уровне. В этом случае речь идет о языковых универсалиях, не выводимых дедуктивно из самого определения языка; они выводятся скорее индуктивным путем на основе исследований эмпирического характера и поэтому представляют собой объективное приращение знаний, которые должны необходимым образом учитываться любой общей теорией языка номолого-дедуктивного характера.

3.1. К этой же линии исследований относится обсуждение возможных универсалий языковых изменений, о которых много писалось в последнее время. В языковых изменениях присутствуют переменные историко-социального характера, которые формальная теория предсказать не может. При отсутствии предсказуемости, возможность которой является эксплицитным атрибутом любой действительно формальной теории, языковое изменение не может охватываться формальной теорией языка; напротив, языковые универсалии первого типа («сущностные универсалии») являются ее составной частью [25, с. 5].

В действительности, трудно обнаружить конкретные примеры языковых изменений, которые можно было бы исключить на основе положений общей теории языка, т. е. примеры, которые противоречили бы понятию «возможного естественного языка» [26]. Даже утверждения чрезвычайно общего теоретического характера, как, например, утверждение о том, что синтаксические изменения в естественных языках зависят от синтаксической структуры (are structure dependent), а не просто от порядка, в котором появляются элементы во фразе (structure independently), могут быть опровергнуты контрпримерами. Комри [2, с. 21 и сл.] приводит пример из сербохорватского языка, в котором местоименная клитика должна занимать во фразе второе место независимо от своей функции по причине чисто дистрибутивных ограничений случайного характера. Возможно даже разбиение именной группы в функции субъекта в целях сохранения за клитикой второго места: *Taj mi pesnik čita knjigu danas* (тот мне поэт читает книгу сегодня) «Тот поэт читает мне сегодня книгу».

В принципе всегда возможно найти контрпример на правило, сформулированное априорно на основе теоретико-дедуктивного подхода, поскольку только теория по определению может исключить возможность контрпримера, что составляет очевидный порочный круг в рассуждениях.

Это не значит, конечно, что языковые изменения хаотичны и совершенно непредсказуемы, но их типология моделируется на основе синхронной типологии языков в том виде, в каком они предстают исследователю [27, с. 45]. Как и синхронная типология, типология первого рода оказывается неизбежно связанной с вероятностным аспектом языка, поскольку она изучает изменения более или менее маркированные, более или менее «естественные», легко осуществимые с социо- и психолингвистической точек зрения. Ответ на вопрос, существуют ли свойства языковых изменений, имеющие универсальную значимость, может быть только отрицательным. Явления языковых изменений предсказуемы не в номолого-дедуктивном плане, а только в смысле большей или меньшей вероятности. Общая теория также не в состоянии логически предвидеть, какое направление примет в действительности языковая эволюция при наличии нескольких возможных путей развития, как можно было бы ожидать, если действительно существовали универсалии языковых изменений.

3.2. Нельзя не сказать и о другом аспекте психической деятельности, которая обуславливает языковые явления, имеющие характер универсальности. Если оставаться в пределах принятого нами функционального взгляда на язык, последний, по определению, является системой знаков, которая используется при решении коммуникативных задач внутри определенного языкового коллектива; поэтому каждый язык обладает не только универсальной способностью различать «тему и рему», но и отвечает другим универсальным требованиям коммуникации, позволяя формулировать вопрос, приказ, ответ, отрицание.

Речь идет о «прагматических универсалиях», относящихся к прагматическому аспекту психической деятельности, манифестирующей себя

в языковых сущностях. Речь идет о когнитивно-поведенческих функциях (behavioral-cognitive functions), имеющих во всех языках. Это доказывает, между прочим, тем фактом, что содержание повелительных, вопросительных и отрицательных высказываний переводимо с одного языка на любой другой язык именно в силу его универсальной психической природы.

При нынешнем состоянии исследований список прагматических универсалий оказывается открытым. Д. Л. Болинджер [28, с. 18] выделил только «вопросительные и отрицательные высказывания и приказы». Однако очень широко распространены также восклицательные и уступительные высказывания⁶. Поскольку речь идет об «универсалиях», которые не выводятся дедуктивно непосредственно из определения языка, их существование должно контролироваться как можно большим количеством языков. Это осуществляется на основе процедур «обобщений», хотя в принципе существование прагматических универсалий должно быть установлено дедуктивным путем (ср. предыдущий раздел).

Ю. Хабермас, разрабатывая теорию коммуникативной компетенции, заимствует у Остина систему речевых актов (speech acts), выделяя четыре основных их класса. Речевым актам он предпосылает перечень языковых компонентов, которым приписывает значимость прагматических универсалий в качестве общих структур речевой ситуации: личные местоимения, вокативы, формулы вежливости, если они относятся к участникам акта коммуникации; дейктические выражения с временным и пространственным значением (демонстративы, местоимения, временные и, возможно, модальные категории глагола), если они относятся к моменту речи, месту и обстановке производства и восприятия сообщения; перформативные глаголы (в вопросительном и повелительном высказываниях, в косвенной речи), когда они соотносятся с выражением как таковым; интенциональные и некоторые модальные глаголы, соотносящиеся с намерениями и с позицией говорящего [29, с. 72 и сл.].

Со строго лингвистической точки зрения речь идет об очень разнородных элементах, отнесение которых к той или иной категории оказывается часто затруднительным (ср., например, личные «местоимения» японского языка, которые одновременно являются формулами вежливости) и присутствие которых в каждом языке еще надо доказать. При рассмотрении подобного рода универсалий возникает прежде всего проблема, нужно ли говорить о них в терминах грамматических категорий или, наоборот, в терминах коммуникативной целенаправленности (а именно: как о когнитивно-поведенческих функциях), которым могут соответствовать совершенно различные грамматические категории.

4. Третий тип универсалий, следующий за дефиниционными и психолингвистическими универсалиями, представлен, как было упомянуто выше, универсалиями субъективного порядка.

Имеются в виду решения формального характера, которые лингвист принимает в соответствии с задачами своего анализа и которые слишком часто смешиваются с самой языковой реальностью. Косериу [6, с. 58] приводит яркий пример такого подхода: «если в случае языка, обладающего только двумя гласными и постоянной слоговой структурой типа CV, из соображений экономии описания принимается решение рассматривать гласные в качестве дифференциальных признаков согласных, это решение носит формальный характер, которое касается описания, а не самого описываемого языка».

То же можно сказать о тезисе, отстаиваемом Бахом [30] и обсуждаемом также Косериу [6, с. 60 и сл.]. Согласно этому тезису любое существитель-

⁶ Другой случай представляет придаточное относительное, также широко распространенное, поскольку здесь речь идет скорее о синтаксической процедуре (имеющей целью соотнести фразу с элементом другой фразы), чем о прагматической целесообразности. Ср., например, частую замену относительного подчинения сочинением в разговорном языке: итал. *Ti ho dato un libro la settimana passata. L'hai letto?* «Я тебе дал книгу на прошлой неделе. Ты ее прочел?» вместо *Hai letto il libro che ti ho dato la settimana passata?* «Ты прочитал книгу, которую я тебе давал на прошлой неделе?».

ное является производным от относительного придаточного предложения в результате применения операции трансформации: англ. *An Eskimo* ← ← *Someone who is an Eskimo* «эскимос ← некто, кто является эскимосом»; отсюда следует, что традиционные «части речи» являются результатом процесса трансформации. Подобное объяснение хорошо подходит в наиболее известных нам языках для так называемых *nomina adjecta*: ср., например, итал. *scassinatore* «взломщик» или *pacifista* «пацифист». Если прибегнуть к оператору λ , предложенному Карнапом⁷, эти имена могут рассматриваться как трансформации относительных придаточных, описывающих что-либо (*uno che scassina* → *scassina tore* «некто, кто взламывает → → взломщик»; *uno che è pacifico/ama la pace* → *pacifista* «некто, кто миролюбив/любит мир → пацифист»). Некоторым языкам известно эксплицитное выражение «оператора λ »; ср. абсолютивный суффикс в языке кауилла (уто-ацтекская группа): *huy-* «заострять», *huy-a* «заострение», *huy-a-l* с абсолютивным суффиксом *-l*, который обозначает «воздействие на объект» («то, что заострено» → «стрела») при явном ограничении и специализации значения, поскольку каждая стрела остроконечная, но не каждый остроконечный предмет является стрелой [33]. Обычно существительные языка кауилла хорошо описываются в виде трансформаций *камень* — это, собственно говоря, «то, что стало твердым»; *корзина* — это «то, что было сплетено» и т. д. Ср. в языке кауилла: *hé-at* («(есть) корзина» с абсолютивным суффиксом *(-a)t* («оператор λ ») vs. *ne-néh-'a* «моя корзина», где *ne-* является префиксом, указывающим на лицо в именах и глаголах (*-néh-*, а не *-né-*, поскольку выражение здесь не абсолютно, а относительно в том смысле, что оно отнесено к конкретному лицу) [34]. Эти примеры показывают, что в некоторых языках подобный тип трансформаций применим не только к *nomina adjecta*, но и к *nomina rerum*, вроде *камень*, *корзина* и т. д. Но это имеет силу, конечно, только для тех языков, в которых есть операция номинализации (ср. формы с деривационными суффиксами во флективных языках, например, итал. *-tore*, *-ista*, русск. *-о*, в классическом греческом имена среднего рода на *-es/-os* типа *génos* «род», *pseúdos* «ложь», *páthos* «страсть» и т. д., соотносимые с глаголами *gígnomai*, *pseúdomai*, *páscho* и т. д.; по существу мы имеем здесь дело с той же операцией, в результате которой в языке кауилла получается *q'aw-iš* «камень» из *q'aw* «твердеть»). Но эта процедура не применима, по крайней мере, в синхронном плане, к немотивированным именам, превратившимся в «ярлыки» (*etichettati*). Поскольку в огромном количестве языков широко используется процедура превращения имен в «ярлыки», можно сделать вывод о том, что дескриптивная процедура может быть применена к анализу любого существительного только на уровне металингвистической формализации.

Таким образом, в этом случае мы имеем дело с методологическими и универсалиями. По существу к этому типу универсалий относится фундаментальное правило трансформативной грамматики $F \rightarrow SN SV$, хотя исследователи очень часто не отдают себе отчета в той разнице, которая существует между символическим представлением как своего рода метаязыком [35, с. 145], в терминах которого могут быть выражены структуры какого-либо языка, и самими структурами, как они существуют в действительности. Очевидно, что методологические универсалии вовсе не «повисают в воздухе», не лишены оснований. Э. Сепир, намечая в некотором роде программу будущих исследований, выражал надежду, что после окончания кропотливого труда над созданием исторических и описательных грамматик различных языков окажется возможным выделить

⁷ Оператор λ для Карнапа [31] является символом, посредством которого свойство, выражаемое в языке *L* с помощью фразы, трансформируется в *PRED*; это средство построения *PRED*:

(i) Px	$v Qx$	(« <i>x</i> есть <i>P</i> или <i>Q</i> »)
(ii) $(\lambda x)(Px \ v Qx)u$		(« <i>u</i> обладает свойством второй степени <i>Px</i> или <i>Qx</i> »); ср. [2, с. 48 и сл.; 32, с. 66].

О различии в языковом плане между описательными фразами и номинациями, которые обнаруживают ограничение значения [см. 3, с. 51].

фундаментальные структуры, интуитивное ощущение которых у нас возникает, когда мы сравниваем языки, «которые обладают одной и той же неуловимой формальной атмосферой» [36]. Много лет спустя, в 1952 г., подобная программа была намечена уже более конкретно Бенвенистом, который ставил задачу «...прийти к совокупности определений, относящихся, с одной стороны, к элементам структуры, с другой, к связям между ними [...]». Далее он писал: «Для адекватной формулировки определений придется прибегнуть к логическим процедурам, которые, по-видимому, являются единственно соответствующими требованиям строгого метода... Ничто не запрещает думать, если продолжить подобный ход мыслей, что лингвисты смогут тогда обнаружить в языковых структурах законы трансформации, подобные тем, которые в операционных схемах символической логики позволяют переходить от одной структуры к другой, производной, и определить постоянные отношения между ними» [37, с. 115, 118].

В то же время Сэпир, Бенвенист и Успенский являются достаточно тонкими исследователями, чтобы не замечать опасности логических умозаключений, обращенных на самих себя в своей строгости; у всех них заметно более или менее эксплицитно выраженное стремление учитывать конкретный лингвистический опыт. Этот опыт привлекается не для подтверждения теоретической модели, которая именно в силу своей теоретической природы может быть избрана произвольно, а для того, чтобы избежать траты сил на построение моделей, которые впоследствии оказываются неадекватными той цели, для которой они были созданы. Этой целью есть и всегда будет понимание объективной реальности.

Было бы крайне неэкономично при анализе такого конкретного объекта, как язык, исходить из неправдоподобных категорий. Проблема, следовательно, заключается в адекватности теоретической модели; она должна решаться в рамках теории «отражения» [25, с. 17]. Определение категорий универсалий, прежде всего методологических, которое в принципе является произвольным, как и любая деятельность по созданию определений, на практике оказывается связанным с объектом исследования. В этом смысле даже самые абстрактные дефиниции должны коррелировать с определяемым объектом: «...лингвистические универсалии представляют собой одновременно продукт абстрагирующего логического мышления в форме научных определений и определенного порядка реальности» [9, с. 549]. И в этой перспективе типология, понимаемая как изучение конкретных объектов, может (и должна) сделать значительный вклад в определение универсалий.

Категория наречия, например, может быть определена как элемент, относящийся к фразе в целом и не имеющий валентных связей ни с каким компонентом ее. Наречия, действительно, большей частью характеризуют не отдельный член предложения, а все предложение в целом [7, с. 256]. Это определение описывает логически возможную категорию, основанную на универсальности таких семантических классов, как модальность, темпоральность/аспектуальность высказывания. Как таковое оно может претендовать на универсальную значимость. Этим мы не хотим сказать, что морфологическая категория наречия в традиционном, (индо-)европоцентристском смысле должна обязательно присутствовать во всех языках, хотя элементы других морфологических категорий, действительно присутствующих в том или ином языке (например, падежные окончания, абсолютные конструкции и т. д.), посредством абстрактной формализации могут быть сведены к этой универсальной дефиниционной категории.

Задачей типологии является изучение способов, какими данная универсалия реализуется в тех или иных исторических языках, после того как конкретный (в том числе и типологический) анализ показал полезность использования подобной дефиниционной категории, ее экономность и практичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ramat P.* Linguistica tipologia. Bologna, 1984.
2. *Comrie B. C.* Language universals and linguistic typology. Oxford, 1981.
3. Materials for the DFG International Conference on language universals held at Gummersbach. October, 4—8, 1976.— In: Arbeiten des Kölner Universalien-Projekts, 1976, 26.
4. *Hempel C. G.* The theoreticians' dilemma. Minnesota, 1958.
5. Universal semantics and philosophy.— In: Substance and structure of language. Ed. by Puhvel J. Berkeley, 1969.
6. *Coseriu E.* Les universaux linguistiques (et les autres).— In: Proceedings of the XI International Congress of linguists. Bucarest, 1974.
7. *Kaznelson S. D.* Sprachtypologie und Sprachdenken. Berlin, 1974.
8. *Vardul I. F.* Il concetto di universale nella tipologia linguistica.— In: La linguistica: testi e problemi. A cura di Heilmann L., Rigotti E. Bologna, 1975.
9. *Ruggiero G. R.* Gli universali linguistici.— LeSt, 1978, 13.
10. *Колшанский Г. В.* Проблема универсалий языка.— В кн.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
11. *Parret H.* A note on pragmatic universals of language.— In: Language universals. Papers from the Conference held at Gummersbach/Cologne... Ed. by Seiler H. Tübingen, 1978.
12. *Keenan E.* Logical semantics and universals grammar.— Theoretical linguistics, 1978, 5.
13. *Keenan E.* The syntax of subject-final languages.— In: Syntactic typology. Ed. by Lehmann W. P. Austin — London, 1978.
14. *Mallinson Gr. M., Blake B. J.* Language typology. Cross-linguistic studies in syntax. Amsterdam — Oxford, 1981.
15. *Antinucci Fr.* Fondamenti di una tipologia del linguaggio. Bologna, 1977.
16. *Hagège Cl.* La structure des langues. Paris, 1982.
17. *Kuno S.* Natural explanations for some syntactic universals.— In: Report NSF-28 to the National Science Foundation. Cambridge (Mass.), 1972.
18. *Bever Th. G., Katz J. J., Langendoen D. T.* An integrated theory of linguistic ability. New York, 1976.
19. *Antinucci Fr., Duranti A., Gebert I.* Relative clause structure, relative clause perception and the change from SOV to SVO.— Cognition, 1979, 7.
20. *Deegener G.* Neuropsychologie und Hemisphärenanzbeziehungen zwischen Handigkeit, Sprache und funktionaler Hemisphärenasymetrie. Stuttgart, 1978.
21. *McNeill D.* The aquisition of language. The study of developmental psycholinguistics. New York, 1970.
22. *Gazzaniga M. S.* The bisected brain. New York, 1970.
23. *Lehmann W. P.* Über konvergierende Theorien der Sprachanalyse.— Sprache der Gegenwart, 1972, Bd. XXVI: Gesprochene Sprache.
24. *Mayerthaler W.* Ikonismus in der Morphologie.— Zeitschrift für Semiotik, 1980, 2.
25. *Ramat P.* Historische und synchrone Sprachwissenschaft.— FLH, 1982, 3.
26. *Lightfoot D.* Principles of diachronic syntax. Cambridge, 1979.
27. *Hoenigswald H. M.* Are there universals of linguistic change?— In: Universals of language. Ed. by Greenley J. Cambridge (Mass.), 1966.
28. *Bolinger D. L.* Aspects of language. New York, 1968.
29. *Habermas J.* Osservazioni propedeutiche per una teoria della competenza comunicativa.— In: Habermas J., Lehmann N. Teoria della società o tecnologia social. Milano, 1973.
30. *Bach E.* Nouns and noun phrases.— In: Universals in linguistic theory. Ed. by Bach E., Harms R. T. New York, 1968.
31. *Carnap R.* Einführung in die symbolische Logik mit besonderer Berücksichtigung ihrer Anwendungen. 3. Aufl. Wien — New York, 1968.
32. *Boom H. van den.* Zum Verhältnis von Logik und Grammatik am Beispiel des neuinterpretierten λ -operator.— In: Linguistic workshop. Ed. by Seiler H. III. München, 1975.
33. *Seiler H.* Objectives and questions.— In: Arbeiten des Kölner Universalien-Projekts, 1976, № 26.
34. *Seiler H.* Die Prinzipien der deskriptiven und etikettierenden Benennung.— In: Linguistic workshop. III. München, 1975.
35. *Uspensky B.* Principles of structural typology. The Hague — Paris, 1968.
36. *Sapir E.* Language. An introduction to the study of speech. New York, 1921.
37. *Benveniste E.* Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966.